

Всемирная история

Николай ОСОКИН

АЛЬБИГОЙЦЫ

НАЧАЛО ИСТОРИИ И УЧЕНИЕ

Всемирная история (Вече)

Николай Осокин

**Альбигойцы. Начало
истории и учение**

«ВЕЧЕ»

2020

Осокин Н. А.

Альбигойцы. Начало истории и учение / Н. А. Осокин —
«ВЕЧЕ», 2020 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8252-6

Альбийгойцы, богомилы, катары... Эти средневековые европейские религиозные течения до сих пор вызывают значительный интерес. Каковы истоки и в чём, собственно, заключались основные идеи людей, бывших с точки зрения официальной церкви отъявленными еретиками? Известный русский историограф Н.А. Осокин – автор классического фундаментального исследования на эту тему.

ISBN 978-5-4484-8252-6

© Осокин Н. А., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Введение	6
Папа Иннокентий III	9
Политическое состояние Европы в начале XIII столетия	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Николай Осокин

Альбигойцы. Начало истории и учение

Знак информационной продукции 12+

© Осокин Н.А., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Введение

18 июня 1209 года в Сен-Жилле, одном из городов Лангедока, совершался торжественный обряд церковного покаяния над тулузским графом Раймондом VI. Толпы народа окружали площадь перед городским собором; среди горожан находились рыцари и вассалы графа как невольные свидетели унижения своего сюзерена. Могущественный государь, родственник королей арагонского, английского, французского, смирялся перед силой непреклонного папы. Три архиепископа, девятнадцать епископов, все окружное духовенство присутствовало при церемонии. Впереди всех стоял папский легат Милон, представитель первосвященника и исполнитель наказания.

Граф, в одной рубашке, босой, со свечой в руке, опустился на колени перед легатом. На паперти, против церковных дверей, возвышался аналой, на котором лежали дары Христовы и священные реликвии. У ног легата Раймонд молил о пощаде. Он сам прочел длинный список своих преступлений перед церковью, обаяваясь и теперь и впредь во всем беспрекословно подчиняться повелениям папы и его легатов; граф Тулузский отказывался от всякой свободы в действиях. Шестнадцать вассалов тут же подтвердили присягу своего государя. Тогда легат поднял Раймонда на ноги, накинул веревку ему на шею, взял концы ее в руку и повел его в церковь, на ходу хлестая графа пучком розог.

В слезах покаяния, а может быть, и горького оскорбления, Раймонд распростерся на церковном амвоне. Тогда легат дал ему отпущение именем «господина папы Иннокентия III». Народ напирал на вошедших в церковь верующих; выйти из нее в те же двери было невозможно. Высеченный, в одной рубашке, граф невольно должен был пройти мимо гробницы блаженного Петра де Кастельно. В духовенстве пробежал говор о справедливом суде Божьем; память святого была отомщена...

Так карала церковь того, кого она подозревала в отступничестве или хотя бы в нерадении к католицизму. Граф же Тулузский совершил самое ужасное преступление для того времени – он покровительствовал еретикам.

Это происходило в начале XIII столетия. То было временем полного господства церковно-католических идеалов. Папская гегемония приобрела тогда силу исторической реальности. Не только граф Тулузский, но и все европейские государи преклонялись перед авторитетом римского первосвященника.

Известно, какие образы соединяются с понятием о Средних веках вообще. Но то столетие, в котором главным образом совершается череда событий, излагаемых в нашей книге, было полным их выражением. Средние века будто воплотили в нем свою культуру, которая являет в те моменты лучшие свои стороны. Вместе с богатством явлений в сфере политической и юридической этот век насыщен замечательным духовным творчеством. Если количеством великих умов определяется культурное значение эпохи, то XIII столетие имеет право называться наиболее важным в развитии европейской цивилизации, в нем сосредоточились все типичные стороны средневековой жизни.

Это был век общин, университетов, цехов, соборов, век философов, юристов, поэтов, художников, святых. Это век Иннокентия III и Фридриха II, Фердинанда III и Альфонса X Кастильских, Филиппа Августа, Людовика IX и Филиппа Красивого, Иакова Арагонского Завоевателя, покорителя мавров, век арагонской конституции и английского парламентаризма, век богатства городов и славы цехов, век Ганзы и городских союзов в Германии, век феодальной расправы и тайных судов в Вестфалии, век римского права и статуты, обоготворения женщин и философии. В духовной истории этого столетия за именами Альберта Великого, Роджера Бэкона, Фомы Аквинского идет величественное имя Данте. Но такова сила исторических

явлений, что с периодом процветания неразлучны и первые признаки упадка. После XIII столетия начинается разложение идей, не только выработанных им, но средневековых вообще.

Столетие это кончается трагическим падением папства, заключавшимся в поражении папы Бонифация VIII в его борьбе с королем Франции Филиппом IV, что привело к Авиньонскому пленению пап, и непосредственно предшествовавшим этому событию сожжением римской буллы.

Стремление сохранить старые начала и устранить наплыв противоположных идей неизбежно ведет к борьбе. И действительно – XIII век дышит борьбой. Борьба проникает в каждую идею и к концу века видоизменяет ее, так что в Европе XIV столетия слышится наступление иных начал, начал скорее Нового времени.

В продолжение всего XIII века идет борьба: здесь и борьба церкви с ересями, накопленными прежними веками; борьба клерикального гнета с проявлениями свободной мысли; борьба пап с императорами за мировое преобладание; борьба римской теократии с национальностями; старых «правд» с подавляющей идеей римского права; феодализма с королевской властью; кулачной расправы с правильным судебным процессом; патрициев с цехами; номиналистов с реалистами; народного творчества с аристократической поэзией рыцарства; язвительных миннезингеров с сентиментальностью трубадуров.

Предметом этой книги будет замечательнейшее из противостояний. Предлагаемое сочинение имеет задачей проследить первые проявления оппозиции Римской церкви, особенно сосредоточившиеся в Южной Франции. Исходя из этого, оно должно указать причины и обстоятельства, благоприятствовавшие такой оппозиции, изложить преемственность в ересь, появившихся вообще до XIV столетия, рассказать судьбы последователей этих учений, подробно описать предпринятые против них Крестовые войны и, наконец, исследовать влияние и определить историческое значение религиозных сект, известных под общим названием «альбигойцев». Показав происхождение главнейшей из них от свободомыслящих славян восточного вероисповедания, это сочинение раскроет ведущую роль славянского племени во влиятельнейшем событии средневековой духовной и политической истории.

Дело альбигойцев, как увидим в дальнейшем, было проиграно. Рим недаром вел борьбу с таким ожесточением: он опасался за самые существенные свои интересы. Ереси разного характера и разных оттенков развивались и гораздо ранее X столетия, они имели огромное число последователей во всех краях католического мира. К началу XIII века насчитывалось уже более сорока различных религиозных сект, в положениях которых присутствовали всевозможные отклонения от ортодоксии. Опасность грозила и от характера вольнодумства еретиков, и от их численности.

Существовали признаки, по которым можно судить о возможности образования в тогдашней католической церкви нескольких новых церквей, как это произошло позднее, в эпоху Реформации.

Уступок и примирения не могло быть уже и потому, что обе стороны являлись представителями направлений крайне противоположных. Вступив в борьбу фактически за собственное существование, Рим совершил жестокие насилия над еретиками. Но с падением альбигойцев не пропала нравственная сила их протеста, так сильно действовавшая на проявления свободной мысли дальнейших поколений.

Восторжествовать еретики не должны были еще и потому, что история была против них, их слишком смелые убеждения мало соответствовали эпохе, далеко не все из них выражали собою поступательный шаг цивилизации, так как большая часть еретиков уклонялись с чисто христианского пути. Дело в том, что слово «альбигойцы» не обозначает последователей какого-либо целостного учения – в то время это был термин, обозначающий всех, не согласных с ортодоксией.

Между альбигойцами резко выделялись две ветви, которые мы назвали бы восточной и западной. Первая связана с традицией гностицизма и азиатских философских систем в их синтезе с христианством – это собственно альбигойцы, или катары, точнее дуалисты¹. Вторая же представляет евангелический, строго христианский протест – это предшественники кальвинизма, вальденсы. Между собой те и другие имели мало общего, хотя судьба свела их вместе на благодатной земле Лангедока, породившей, собственно, одних вальденсов, ибо дуалисты, имевшие несравненно более долгую историю, непосредственные преемники болгарских богомилов, помнили своих предков на берегах Черного моря, откуда ересь, продвигаясь на запад, достигла Атлантического океана.

Историк альбигойцев должен иметь дело с той и другой ветвью во всех их проявлениях, но ему следует заметить, что последователи дуалистического учения, большие числом, не могут считаться реформаторами в лучшем смысле этого слова, хотя историческая наука часто признавала их таковыми. В борьбе с ними папы стояли за интересы, более близкие будущему.

Для людей того времени католический идеал являлся символом всего лучшего в жизни, таким является он и в истории. Папство взяло на себя управление всем западным миром. Такова была теократия Гильдебранда. Его мечты и планы стали заветом для его преемников. Папство по самому существу своему, как власть чисто духовная, пользовалось магической силой, пока не уклонилось с той дороги, которую открыло ему его удивительное могущество и счастье. Но в борьбе с альбигойцами Рим прибегнул к физическим средствам – беспощадным и кровавым. Дурной способ ведения борьбы унизил нравственный авторитет первосвященников, как произошло это позже в деле с императором Фридрихом II. Оба эти столкновения, сопровождаемые одинаковыми условиями, привели к одному исходу – быстрому и бесславному падению некогда неодолимой силы. Тем не менее в борьбе с альбигойцами католические интересы восторжествовали.

Так как история альбигойцев тесно связана с судьбами папства, с характером той политики, какой держался относительно них Рим, то будет уместно предпослать непосредственному изложению предмета обзор того состояния римских дел, в котором застают их первые годы XIII столетия, годы альбигойских войн. Из этого обзора станут ясны силы, которыми мог располагать Рим в предстоящих Крестовых походах, а равно определится место, какое должны они занимать в ряду других политических событий своего времени.

¹ Точка зрения, характерная для XIX столетия, гласит, что гностицизм дуалистичен, что не вполне верно, так как относится по большей части к манихейской ереси, а не к альбигойцам вообще. – *Ред.*

Папа Иннокентий III

Торжеству католической церкви в борьбе с альбигойцами главным образом способствовала личность человека, возглавлявшего ее. Когда папству грозила смертельная опасность, искусством этого вождя оно вдруг приобрело невиданную внутреннюю и внешнюю крепость. Гениальный государственный деятель, он будто нарочно был призван на историческую сцену в критическую минуту. Превосходной системой стала заправлять рука человека, именем которого обозначается целая эпоха. То был папа Иннокентий III.

Он – главный деятель той драмы, которая скоро должна занять нас, и потому прежде всего следует изучить этого человека с момента, когда он становится главой католической церкви (1198 г. – *Ред.*).

Ему шел тогда тридцать восьмой год. Редкий первосвященник надевал тиару так рано, и редкий выступал на историческую сцену более готовым к этому.

Иннокентий III принес с собой на папский престол грандиозную идею, которая, правда, была выработана предшественниками, но в нем нашла своего полного и лучшего выразителя. Он призван был завершить и создать величавое, хотя не совсем чистое, здание католицизма, и потому его симпатии лежали в идеалах прошлого. Целью Иннокентия III было закрепить владычество пап над Европой.

В то время авторитет первосвященников пал даже в их собственном государстве (т. е. в Папской курии. – *Ред.*). Папы последних десятилетий XII века были бессильны в своей собственной столице и находились в зависимости от городских аристократических партий. Тесно связанные с ними, они были не в силах умиротворить город. Такое бессилие вызывало тем большую ярость, что всему Западу их сила казалась столь грозной. Предшественники Иннокентия III почти всегда избирались в первосвященники уже в преклонных летах, они были сильны не как личности, а как представители наследственной политики Римской курии.

Не таков был человек, который занял папский трон в 1198 году. Иннокентий III происходил из древнего римского рода графов Конти, известность которого уходит в баснословные времена. Смелые исследователи генеалогий насчитывают двенадцать столетий преемственности этого рода². Знаменитого папу считали потомком первого герцога Сполетского, получившего свои владения от лангобардского короля Гримоальда еще в VII веке. Достовернее, что знаменитый префект Рима Крешенци был его предком. Вопреки генеалогии, наследственные владения графов Конти не давали им ни особой славы, ни достаточного богатства³. В ряду древней аристократии граф Фрасимундо, отец будущего папы, не имел особого значения, его оттесняли на второй план оказывавшие влияние на выборы пап римские фамилии – Орсини, Колонна, Франджипани, Савелли.

Род Конти суждено было возвысить Джiovанни-Лотарю (впоследствии Иннокентию III). Он родился около 1161 года. Мать дала ему возможность получить воспитание в школе Святого Иоанна Латеранского, которая в то время была центром подготовки католических проповедников. Он продолжил свое образование в Парижском и Болонском университетах – там он погрузился в занятия современной философией⁴, но из его сочинений видно, что он хорошо изучил и классиков. Париж славился богословием и схоластикой, Болонья – правом: это были знаменитейшие очаги средневековой культуры. В Париже вместе с Конти получали образование многие впоследствии прославившиеся политики и поэты (например, знаменитый немец-

² Hurter. Geschichte Papst Innocenz des Dritten; 1834. erste Buch, Anmerk. S. 3, 8, 15.

³ У Конти были владения в Риме и окрестностях; им же могло принадлежать графство Сеньи в Кампании.

⁴ В письме к Филиппу II Французскому Иннокентий вспоминает с признательностью о Парижском университете (Нее. Inn.; I. II, ep. 17).

кий миннезингер Вальтер фон дер Фогельвейде). Здесь Джiovанни-Лотарь близко сошелся с будущим кардиналом Стефаном Лангтоном и многими другими. Через десятилетия товарищи детства послужили орудием выполнения далеко идущих замыслов Иннокентия III.

Он возвратился в Рим при папе Луции III, который дал ему несколько ответственных поручений, успешно исполненных, что послужило началом блестящей карьеры. Папа Григорий VIII делает его, еще молодого, субдиаконом (1187 г.). Джiovанни-Лотарь Конти выдвигается вперед благодаря некоторым семейным связям, но главным образом – вследствие своих способностей. Было время Ричарда Львиное Сердце и Саладина, шел третий Крестовый поход с Барбароссой во главе, у римской канцелярии было полно забот.

Климент III, дядя Джiovанни-Лотаря, назначил его в 1190 году кардинал-диаконом, что равнялось званию государственного секретаря; будущему папе было тогда 29 лет. Это назначение вызвало общую радость в церкви и в народе, «возбудило большие надежды»⁵, что свидетельствует о том, какую популярность уже тогда приобрел Джiovанни-Лотарь. Молодого кардинала хватало на все, он строил грандиозные планы и не упускал из виду никаких мелочей.

В 1191 году на папском престоле воцарился Целестин III из враждебного Конти рода Орсини, который сместил Джiovанни-Лотаря с должности. Будущий преемник Целестина III воспользовался вынужденным безделием, чтобы в уединении и думою, и литературными занятиями развить свои духовные силы. За эти шесть лет у него созрели те теократические замыслы и та многосторонняя политика, которая может возбуждать протест, но, как полезная для того времени, имеет право на исторический смысл. В сочинениях, написанных за это время, будущий тиароносец томится миром, ищет покоя и уединения, хотя более, чем кто-то другой, он был способен к деятельности. В то время как он, окруженный лишь книгами, проживал в Ананье, отрекаясь от мира, этот мир уже завязывал узлы, которые впоследствии пришлось распутывать именно ему.

Император Германии Генрих VI стремился к обладанию королевством обеих Сицилий. Целестин III соглашался утвердить его за ним лишь на унижительных для Генриха условиях, так как это королевство уже давно было под покровительством церкви – оно считалось римским вассальством и более соответствовало такому названию, чем все другие мнимые апостольские феодалы. После второго похода на юг Италии Генрих завоевал вожаемое королевство, истребил членов старой норманнской династии и с такой жестокостью подавил восстание норманнских баронов, что возбудил негодование всей рыцарской Европы. Целестин III многократно предостерегал Генриха, требовал, чтобы тот прекратил свои зверства. В конечном итоге папа отлучил императора от церкви. Генрих VI погиб в сентябре 1197 года, находясь еще в зрелых летах и полный замыслов мести Риму и мечтами об единой империи. Он оставил четырехлетнего римского короля Фридриха Роджера (после так знаменитого под именем Фридриха II), общую ненависть к своей памяти и междинастические распри за престол в Германии.

Папа торопился действовать, чтобы не потерять старых приобретений в предстоящих замешательствах и безначалии. Приобретение обеих Сицилий Гогенштауфенами казалось Риму угрожающим вызовом. Папы могли быть сдавлены с двух сторон: из Германии и Южной Италии. Риму хотелось во что бы то ни было разорвать эту связь, эту грозную силу, или, по крайней мере, умалить ее, над чем папы последовательно бьются всю первую половину XIII столетия. Им необходимо было удержать вассальство над Сицилией, повлиять на вопрос о германском престолонаследии и в то же время поддерживать римский авторитет в начавшемся споре с королем французским из-за развода с Ингеборгой (сестрой короля Дании Кнута. – *Ред.*).

Тогда же в Европе готовился новый Крестовый поход, и тогда же до римских государственных людей стали доходить грозные слухи из Южной Франции о быстром распространении ереси и о безуспешности всех соборных решений, принятых против нее. И в Риме стали

⁵ См.: «Деяния» Иннокентия. 5. 3.

серьезно думать о двух единовременных Крестовых походах: один предполагался в Азию – на неверных, другой – на непокорных вольнодумцев, зажиточных и веселых обитателей Гаронны, Роны и Дюранса.

Быстрота и продуманность в действиях требовались тем более, что от неудачи прежних Крестовых походов ослабевало религиозное рвение католиков. Слухи об успешном развитии многообразных ересей доходили с разных мест Европы. Ересь шла от востока к западу и прочно укрепилась в католических землях.

В Риме прекрасно осознавали всю важность настоящей минуты, вражда партий замолкла. Курия кардиналов всегда возлагала большие надежды на графа Конти, и он был призван, когда скончался Целестин III.

Умирая, папа продолжал указывать на своего друга Колонну, но его не слушали. Целестин III умер 8 января 1198 года. На следующее утро, после короткого совещания, почти единогласно был избран папой кардинал-диакон Джiovанни-Лотарь Конти. Он сопротивлялся этому на заседании коллегии – он молил, он плакал, он говорил о своей молодости. Старший из кардиналов подошел к нему и наименовал его Иннокентием III. Джiovанни-Лотарь еще не был епископом, он даже не имел рукоположения. Для него было сделано такое редкое исключение, священнический сан он принял уже после.

Для папского трона он казался весьма молодым, что не прошло незамеченным. Торжественная коронация привлекла массу народа, в среде которого новоизбранный был очень популярен. Рим горел огнями, на папскую процессию сыпались цветы. В первой же проповеди папа обратился к народу, будто призывая его на освящение своих планов; он льстил толпе и очень скоро получил существенные знаки ее расположения.

Аристократия, наоборот, мешала свободе действий первосвященника, она привыкла заправлять народной силой. В Риме властвовали нобили, императорский префект был их орудием – он передал свои права сенату, который, часто идя врозь с пожеланиями народа, юридически действовал от его имени, будучи независим от папы.

Иннокентий с первых же дней подчинил себе все враждебные ему и враждовавшие между собой элементы. Префект поклялся служить ему беспрекословно и отдавать полный отчет во всех делах – императорский меч заменила папская чаша. Иноземные претензии, хотя и номинальные, были уничтожены совершенно: город стал папским. Народ поддержал такое начало, исходившее от столь популярного лица. Сенат стал действовать уже не от имени народа, а от лица папы: первый сенатор дал присягу оберегать личность папы. Монархическое начало восторжествовало. Упрочив свою власть в столице, Иннокентий обратился к делам в Италии. Немецкие бароны, посаженные Генрихом VI, были вынуждены покинуть Папскую область. Флорентийские города организовали свой союз, но и там были сильны папские симпатии. Не прошло и года, как Папская область достигла своих крайних пределов, в Италии было возрождено национальное чувство. Но, укрепляя свои материальные средства, Иннокентий III тем самым показывал, что в своей теократической системе он будет держаться решительного образа действий. Что честолюбие присуще ему, это заявил он еще с первых дней, но его эгоизм был эгоизмом великой души: он хлопотал не в личных интересах, а во имя торжества своей веры; он не обещал мира своей политикой, хотя стремился к нему. Свою систему папа проводил в жизнь с пылом человека, обуреваемого светским честолюбием.

Иннокентий III, как и другие папы, для достижения своих целей злоупотреблял религией. Следуя римской политике и забываясь в увлечении, он порой уклонялся от прямой дороги, но в нем никогда не угасало понятие о высшей справедливости. В первые же дни своего папства он следующим образом высказывал свою политическую доктрину:

«На нашем попечении лежит забота о процветании церкви. И жизнь и смерть наша будут посвящены делу справедливости. Мы знаем, что наша первая обязанность блюсти права всякого, и ничто не заставит нас уклониться с этого пути... Перед нами великое обилие дела,

ежедневные заботы о благе всех церквей, мы потому не более как служители слуг Божьих, согласно с титулованием нашим. Но мы верим, что волею Божией возведены из ничтожества на этот престол, с которого будем творить истинный суд и над князьями, и даже над теми, кто выше них»⁶.

Иннокентий сдержал свое обещание. После Гильдебранда он был самым смелым деятелем на папском престоле, но он был гораздо счастливее Григория VII. Наряду с решительностью и отвагой он обладал редкой чистотой побуждений, чуждый личных стремлений и честолюбия. Великие исторические деятели, которые претворяют в жизнь свои идеи и политические системы, не стесняются в способах достижения цели и исполнения возложенной на них роли, их воодушевляет один помысел – воплотить свои идеалы в реальность. Благо тем политикам, которые с блеском подвигов соединяли безукоризненность его выполнения, но нельзя осуждать и тех, которые не могли найти иных средств, не выходя из условий современности. Иннокентий III не составляет исключения в ряду великих людей истории. Нравственная чистота его личного характера не подлежит сомнению, она принесла ему высокий духовный авторитет и способствовала успеху его теократических планов.

В то время для исполнения предназначений папской власти требовался именно политик с талантами Иннокентия, ум которого охватывал всю громадную арену деятельности – от Исландии до Евфрата, от Палестины до Скандинавии. То, что составляло предмет задушевных дум Гильдебранда, было совершено Иннокентием III. За все время его восемнадцатилетнего правления не было факта европейской истории, который бы прямо или косвенно не испытал на себе влияния папы.

Всевидящее око первосвященника проникало как во дворец императора, так и в дом робкого горожанина на краю Европы. Поэтому переписка Иннокентия служит главнейшим источником для изучения истории его времени; миновать этот источник, имеющий достоинство государственных актов, нельзя, о какой бы то стране ни шел разговор. Для Иннокентия на всем Западе не существовало человека слишком бедного, слишком ничтожного, и, наоборот, властителя слишком влиятельного. Могущество папы в большинстве случаев опиралось на силу духовного авторитета, и лишь в том деле, которое послужит предметом данного сочинения, было подкреплено силой оружия.

Таков был человек, с которым предстояло бороться альбигойцам и который сыграл главную роль в их истории.

Познакомившись с Иннокентием III, сделаем по возможности сжатый обзор тех отношений, которые сложились у него с европейскими государями.

⁶ Bohrbachei; XVII, 24–25. – Reg. Inn.; I. I, ep. 15, 230 etc.

Политическое состояние Европы в начале XIII столетия

То было время, когда судьбы государств нередко подчинялись политике пап. Император германский не мог быть императором, не будучи коронован папою. Отношения к королям французскому и английскому слагались под влиянием расчетов римской политики, а не из почтения к их силе. Ненасытное честолюбие Иннокентия III, возбуждаемое его сердечной верой в свое призвание, однако, не довольствовалось этим. Он обратил внимание на славянские страны, а в случайном основании Латинской империи видел хороший повод к соединению Греческой церкви с западной⁷. И все это развивалось одновременно с полной трагизма историей альбигойцев.

В выполнении своих планов по отношению к властителям современной ему Европы Иннокентий встретил сильное сопротивление. Влияние в Германии, Англии, Франции, Леоне, Португалии, наконец, Лангедоке папа упрочил после тяжелой борьбы с духом национальной самобытности.

Иннокентия сильно поддерживало общественное мнение, этот богословский тон эпохи. Папе приходилось в большинстве случаев защищать, по крайней мере в принципе, начала современного ему христианства, он стоял, по понятиям многих современников, на страже самых дорогих для них интересов. Но люди передовых убеждений, а также зарождавшееся городское сословие иначе относились к папским устремлениям. В Лангедоке, как увидим, из-за влияния исторических условий и по причине наличия ересей сама религия была в презрении, и тем более презиралось духовенство. Но то было по духу своему явление слишком раннее, хотя даже его Рим смог сокрушить только силой оружия⁸. В других же странах папство имело весьма ощутимую поддержку общества. Сами политические обстоятельства способствовали осуществлению папских претензий на роль верховного судьи и решителя европейских дел.

В Германии было полное смятение: шла борьба за императорский престол. Надежды партий определялись намерениями Иннокентия III, многое зависело от того, кого именно поддержит папа из трех претендентов: Филиппа Гогенштауфена, брата покойного императора, Фридриха Гогенштауфена, сына Генриха VI, или Оттона IV, герцога Брауншвейгского, второго сына Генриха Льва, вождя Вельфов⁹.

Филипп и Оттон IV были выбраны на престол германскими князьями почти в одно время, каждый своей партией. Между соперниками началась война. На прямого наследника, сына императора, первое время не обращали внимания. Когда из Германии потребовали наконец решить вопрос о престолонаследии, Иннокентий был в глубоком раздумье. В конце концов он высказался в пользу Оттона.

Большинство князей желало Филиппа Гогенштауфена. Почти вся Средняя и Южная Германия протестовала против Оттона. В жестком тоне протеста слышится протест вообще против римского гнета. В литературно-юридической форме он предварил протест альбигойцев. В письме, представленном Папской курии, подвергалось осмеянию именно то, что так ненавидели еретики, за что они так жестоко пострадали.

«Может быть, святая курия, – так значилось в этом документе, – в своей родительской нежности считает нас за дополнение к Римской империи. Если так, то мы не можем не заявить о несправедливости всего этого... Если избрание будет незаконным, на то есть высший судья,

⁷ Латинская империя основана после захвата участниками IV Крестового похода Константинополя в 1204 году. – *Ред.*

⁸ Современные историки полагают, что Н.А. Осокин поспешил связывать движение альбигойцев с идеями национального толка, которые формируются лишь в эпоху Реформации. – *Ред.*

⁹ Вельфы – известный с VIII века германский княжеский род. – *Ред.*

который разберет дело. Нет, лишь одни князья могут избирать себе государя. Божественный посредник между небом и людьми, Христос Богочеловек разделил обе власти и каждой предназначил раздельное бытие. Тот, кто служит Богу, не должен заниматься мирскими делами; тот, кто посвящает себя делам мира сего, не должен вмешиваться в духовные».

За Филиппа ручались, что он окажет папе и церкви все должное почтение, настойчиво требуя коронации именно его. Иннокентию пришлось защищать свои замыслы, он повторил доводы Григория VII и мотивировал их с убеждением в собственной правоте.

«Вы согласны, – писал он, – что папа коронует императора? А если нам принадлежит такое право, то вы должны знать, что мы можем по всей справедливости иметь свой взгляд на избираемого. Это уже общее право, что последнее слово принадлежит тому, кто возводит, кого посвящает. Если бы князья, хотя и единодушно, избрали святотатца, отлученного, помещанного, еретика либо язычника – разве мы обязаны короновать такого?»

Князья между тем защищали права свои и Филиппа. Дело Гогенштауфена казалось нераздельным с вопросом о существовании независимой Германии. Настойчивость Иннокентия, его угрозы только придавали силы противостоящей партии. Гогенштауфена неожиданно стал поддерживать сильный голос со стороны: в его пользу заговорил король французский, перед тем, как увидим ниже, только что подвергнутый церковному наказанию.

«Это несправедливо, – пишет Филипп Август Французский, – относительно всех государей. Мы спокойно перенесем многое, но никогда то, что позорит нашу честь и унижает достоинство короны. Если вы будете упорствовать в ваших намерениях, то мы со своей стороны примем такие меры, которых потребуют наше положение и обстоятельства дела».

Иннокентий в ответ прибегнул к той же ловкой риторике, наполненной прозрачными угрозами: он закончил послание пожеланием, «чтобы никогда король французский не оставлял Римской церкви, а Римская церковь – королевства франков».

Твердость боролась в Иннокентии с политической гибкостью; он подумывал о переговорах. Гогенштауфен предлагал свою дочь в замужество одному из Конти, Иннокентий, со своей стороны, напоминал Оттону о необходимости уступок. Но неожиданное событие резко изменило ситуацию: 23 июня 1208 года Филипп был убит в Бамберге своим личным врагом Оттоном Виттельсбахом, баварским пфальцграфом. Причиной мести было оскорбленное самолюбие. В убийстве принимали участие еще несколько князей, имена которых неизвестны.

Оттон IV остался без соперника. Некоторое время он был в тесной дружбе с Римом; женитьбой на дочери Филиппа Беатрисе он увеличил число своих приверженцев в Германии. Будущее улыбалось ему. Но его императорская власть погибла, когда он нападением на итальянские и даже папские земли вооружил против себя Иннокентия. Впрочем, в тот год, когда готовилась альбигойская драма, отношения Оттона к Риму были самые покорные. В 1209 году Оттон был коронован папой на условиях окончательного изменения в пользу Рима wormского конкордата, некогда покончившего спор за инвеституру. Оттон отказался от императорского права регалий. Церковь достигла своих непосредственных целей. Вопрос с империей был, таким образом, покончен, он не занимал более Рима, и появилась возможность сосредоточить все свои силы и внимание на опасных сектах.

Папство будто предчувствовало беду, которая ему грозила, теперь оно особенно старалось запастись силами. Властители христианского мира подчиняются в это время Риму как его вассалы, иные – добровольно, иные – вынужденные обстоятельствами.

Иннокентий III уничтожил всякий королевский авторитет в Англии. В бесхарактерном, дурно развитом Иоанне Безземельном Иннокентий имел противника весьма неопасного. Политикой своего короля Англия была унижена до того, что сделалась данницей Рима. Иоанн упорно держался симонии, из-за чего постоянно возникали разногласия с папским двором. Впервые серьезный конфликт возник в 1205 году из-за выбора архиепископа Кентерберийского. Священники избрали на это место приора Регинальда и просили утверждения папы.

Королю стало известно об этом, и по обыкновению он пришел в ярость. Иоанн отменил папское утверждение и велел выбрать другого архиепископа. Иннокентий не одобрил ни того, ни другого кандидата: в выборе духовников он увидел самовластие, а в выборе короля – пристрастие. Папа велел произвести третьи выборы в Риме, и из пятнадцати английских духовных лиц он указал на бывшего своего товарища по Парижскому университету Стефана Лангтона как на способнейшего. Король отказался принять его и в порыве злобы послал двух отчаянных рыцарей в Кентерберийское аббатство на грабеж. Иннокентий начал с увещаний, которые поручил местным епископам. Королю Англии стали грозить отлучением. Иоанн отвечал им на это заявление желанием изгнать все духовенство из Англии, если только кто посмеет произнести проклятие и отлучение, всех итальянских священников и легатов грозил изуверчить. Он прогнал всех увещателей прочь под страхом истязаний и казни. Ответ был ясен: знавшие характер Иоанна рассудили, что он способен привести в исполнение свое обещание.

Но авторитет Рима был пока слишком велик, чтобы можно было состязаться с папой. Как увидим, около того времени Иннокентий заставил смириться сильного Филиппа Французского.

Интердикт в Англии был все-таки произнесен; вся страна впала в мрачное состояние.

Нельзя судить о впечатлении папского интердикта по нашим современным представлениям, необходимо мысленно перенестись в Средние века, чтобы понять всю его ужасающую силу. Для барона и для виллана сельская церковь была одинаковой отрадой в жизни, во время бесправия лишь в ней было примирение. Теперь она была под запретом. Народу казалось, что в самом воздухе носится что-то тяжелое, жизнь везде замирала, удовольствия прекратились, о пирах не было слуха, прохожие при встрече боялись приветствовать друг друга. На всем лежала печать покаяния, все носили траурные одежды, не брили бороды. Церковные торжества не радовали более народа, двери храмов были закрыты, кресты на них опрокинуты, колокола сняты, образа завешаны, мощи убраны. Гробовое молчание наводило всеобщее уныние: нельзя было ни родиться, ни венчаться, ни умереть, всему этому не было религиозного напутствия. На кладбище крестили умирающего младенца, изредка кого венчали около могил; мертвых или оставляли гнить в надежде отпевания, или хоронили при дороге. Ужас за будущее овладевал тогда сердцами. Только крестоносцу было спасение – его напутствовали благословением, но отправляли умирать в чужую землю, и люди завидовали, что он умрет в земле Святой, а не на проклятой родине.

Естественно, это ужасное состояние должно было вызывать народный гнев: религиозные обряды, как казалось народу, были попраны королем, он ослушался высшего духовного лица на земле и вовлек в гибельную пучину всю страну. Таков был неодолимый дух века. Для того чтобы сколь-либо сопротивляться силе истории и народного настроения, необходимо иметь особые дарования, которых Иоанн был лишен. Он думал одолеть противника жестокостью, но вся тираническая система оказалась бесполезной, пролив только лишние потоки крови.

Король Англии велел хватать, изгонять, вешать и резать тех духовных лиц, которые подчинятся интердикту. Король не довольствовался конфискацией их имений, в порыве безумия он поощрял разбой и грабежи собственных подданных, особенно если то вредило духовным лицам. Он не замедлил ополчиться и на светскую аристократию, все сословие которой заподозрил в проримских симпатиях. Он отнимал владения у кого только мог, брал в богатых семействах заложников, всячески притеснял подданных. Тем самым, одновременно настроив против себя все сословия Англии, Иоанн прекрасно подготовил будущую «Великую хартию», а с ней свободу и парламентаризм.

Народ волновался от тяжести церковного отлучения, а Иннокентий между тем шел дальше. Его энергия и непреклонность в достижении целей ярко отражаются в английских делах. В самый год начала альбигойской войны он произнес анафему на короля Иоанна и на всякого, кто поддержит его. В 1212 году Иннокентий отрешил Иоанна от престола. Это было

последнее и самое решительное средство, оно со всей силой показывало теократические претензии пап. Иннокентий освободил английских вассалов от присяги, данной ими Иоанну, и дарил английское королевство всякому, кто возьмется наказать тирана. Честолюбивый французский король Филипп Август взялся за эту роль.

Лишенный всяких государственных способностей, Иоанн Безземельный сумел вооружить против себя всех и с удивлением узнал, что его королевством распоряжается как собственностью человек, который некогда казался ему таким бессильным. И тогда его гнев сменился полнейшим раболепством перед папой. Он изъявил желание не только смириться перед силой духовного оружия, но и отдаться во власть папы как государя. Он отказался от Англии в пользу Рима. Он по доброй и свободной воле, как гласит акт, передавал «Англию и Ирландию на всех правах Богу, апостолам Петру и Павлу, церкви Римской и своему владыке папе Иннокентию III и его католическим преемникам»¹⁰.

Отдав государство Иннокентию, Иоанн получил обратно свое бывшее королевство уже как «человек» папы, с обязательством ежегодной дани в количестве 1000 марок. В Дувре повторились Каносса и Кентерберри. 15 мая 1213 года в дуврском соборе Иоанн торжественно сложил корону и скипетр перед алтарем. Папу заменял его суровый легат Пандольфо. Король опустился перед ним на колени, и легат прочел над ним молитву. Король на коленях же громко произнес ленную присягу. Тогда легат передал ему из своих рук корону и скипетр обратно, но уже милостью папы.

И не одну английскую корону держал в своих руках Иннокентий III. И раньше, и после он принимал и передавал из рук в руки королевские короны.

На Пиренейском полуострове шла борьба с маврами. В это время там образовались несколько самостоятельных государств, все они были слишком слабы порознь, пока не объединились в более обширные королевства.

Португалия была отдельным государством уже с 1139 года. В начале XII века королем ее был Санчо Земледелец (Lavrador), демократ в душе, человек труда, без рыцарских увлечений и весьма способный правитель. Его реформы в народном хозяйстве не могли обойтись без столкновения с духовенством. Он остановил платеж в Рим обещанной еще давно дани и стал облагать монастыри поборами. Для политических видов Иннокентия Португалия не представляла особой важности, и потому папа ограничился в этом случае лишь замечаниями. Он не видел ущерба для католицизма в проведении системы Санчо, так как и сам часто ограничивал привилегии духовенства в денежном отношении, требуя прежде всего исполнения духовных обязанностей.

Для папы гораздо важнее было направление политики других пиренейских государей. Леон, Кастилия, Наварра, Каталония, Арагон (с 1137 г. единые. – *Ред.*), независимые графства и города, мусульманские княжества вели отдельное существование на полуострове. История христианских государств Испании представляла много общего с Югом Франции. Сходство начиналось с самих языков. На историю альбигойцев особенно оказывал влияние Арагон. Тогда зарождались арагонская конституция и «comunidades»; под звуки песен «веселой науки» *gaia ciència*¹¹ испанцы вдохновлялись то любовью, то боевой жизнью с непрерывными походами на неверных. Альфонс VIII Кастильский (1185–1214 гг.) особенно прославил себя ревностной борьбой с мусульманами.

Уже несколько десятилетий христианские королевства Иберийского полуострова воевали с армиями Альмохадов – марокканских правителей, призванных на помощь испанскими мусульманами. Обычно государи Леона, Наварры и Кастилии выступали плечом к плечу, однако заносчивость Альфонса VIII Кастильского привела к тому, что в решающем столкно-

¹⁰ Reg. Inn.; I. XVI, ep. 77. Migne; CCXVI, 878–879.

¹¹ La gaya ciència (*исп.*) – искусство поэзии.

вании на полях Аларкоса (1195 г.) в его армии не оказалось вспомогательных войск из Леона и Наварры. В результате войска альмохадского правителя Юсуфа аль-Мансура имели огромный численный перевес, но Альфонс VIII принял бой, в котором кастильцы были разбиты наголову. Так вредило делу Реконкисты соперничество пиренейских государей. Немного оправившись от поражения, пылая жаждой мести, Альфонс VIII кинулся на Леон и Наварру. Жестоко теснимая им, Наварра вынуждена была искать защиты у арабов.

На Европу это произвело ужасное впечатление. Папа Целестин III тотчас же отлучил от церкви Наваррское королевство.

Между тем Альфонс VIII помирился с леонским королем Альфонсом IX (1188–1230 гг.) и, чтобы сделать мир более прочным, отдал свою дочь Беренгарию в замужество своему недавнему противнику. Между этими двумя королевскими домами были старые родственные связи, что нарушало каноническое правило брака.

Целестин III не признал этот брак, и Иннокентий III также не решился санкционировать его, для него интересы публичной нравственности были выше политических интересов. Дело Беренгарии совпадало с подобным же делом Ингеборги, жены французского короля, из-за которой интердикт постиг Францию. При первых же угрозах духовными наказаниями леонский король уступил и Беренгария вернулась к отцу.

Иннокентий признал, впрочем, ее сына – это был будущий король Фердинанд III, соединивший Леон с Кастилией и прославившийся своей удачей в войнах с мусульманами, где он действовал в союзе с Иаковом Завоевателем, королем Арагонским. Предок Иакова, Раймонд Беренгарий IV, граф Барселонский, еще в первой половине XII века брачным союзом присоединил Арагон к поэтической Каталонии: он обручился с Петронильей, тогда еще малолетней племянницей знаменитого Альфонса Батальядора, отец которой, Рамиро II, отказался от престола и ушел в монастырь (1137 г.). Внук Раймонда Беренгария Педро II (1196–1213 гг.) был поклонником Иннокентия III. Увлечся ли он планами папы о мировой теократии, руководствовался ли чувством благодарности за благотворное влияние Иннокентия на его раздор с матерью, подчинялся ли он влиянию других побуждений, но только у него появилось желание стать одним из орудий папского всевластия. Он первый хотел показать пример добровольного подчинения Риму. В 1204 году он приехал в столицу первосвященника, где торжественно дал следующую клятву:

«Я, Петр, король Арагона, обещаю и торжественно клянусь всегда быть верным и послушным моему господину папе Иннокентию III и его преемникам, клянусь употреблять все усилия, дабы сохранить мое королевство в послушании святой церкви, обещаю защищать католическую веру, преследовать злоухищрения ереси, покровительствовать свободным правам церкви и во всех землях, мне подвластных, содействовать миру и правосудию»¹². Присягнув над Евангелием, король отправился в собор Святого Петра, сопровождаемый папой. Там он снял с себя корону и скипетр, отдал все это Иннокентию и получил от него назад вместе с мечами. Король положил на алтарь грамоту, в которой была засвидетельствована его покорность. Этот документ очень важен для характеристики того времени.

«Веруя, – так начинался он, – что римский первосвященник есть истинный преемник апостола Петра и наместник Того, волею Которого царствуют все государи, я поставил свое королевство под кров верховного апостола и обязался для спасения души моей, а также моих предков платить тебе, верховный господин Иннокентий, и твоим преемникам ежегодную дань, за которую даю обещание вместе и именем моих преемников. В ответ на это папа примет под свой кров меня, мои земли и будущих королей Арагона»¹³.

¹² Gesta Innocentii. C. 120.

¹³ По-прежнему «codex Vallicelanus» b Gesta; c. 121 h Reg. Inn.; I. VII, ep. 229 (Migne; CCXV, 551). у Raynaldi напечатано по другому варианту (Annales ecclesiastici; I, 199).

У короля Педро была в высшей степени увлекающаяся натура. Этого папского вассала мы встретим после в рядах альбигойцев; теперь же он своим унижением усиливал и без того грозное обаяние Иннокентия III.

К началу альбигойских войн не один Запад был охвачен политикой и сетями папства. Тогда же именем Иннокентия латиняне овладевали Византийской империей. Жестокости, совершенные при штурме Константинополя победителями, произошли вопреки самым строгим наказам папы. Иннокентий даже не предполагал такого неожиданного исхода предприятия, начатого им с совсем иною целью. Узнав о диких злодеяниях французов и венецианцев, он наказал виновных отлучительной буллой. Для него во всем этом деле важна была пропаганда не политических идей Запада, а чисто католических. Он до последней минуты мнил себя надеждой, что новая империя (Латинская. – *Ред.*) станет великой посредницей примирения Церквей. Но тут его желания не осуществились, все усилия оказались напрасными. Римское влияние успело при нем приобрести некоторые выгоды лишь в отношениях с отдельными славянскими государствами, и то вследствие случайных политических обстоятельств. Впрочем, и такое влияние было непродолжительно, хотя Восточная церковь не встречала противника более опасного, чем Иннокентий III.

Прежде всего были благоприятны тому духу непрерывной пропаганды, который одушевлял папа, события в Сербии. Один из великих жупанов династии Неманичей, Вукан, из личной вражды к Стефану изменил своей вере и народу, он заключил тайный договор с Андреем Венгерским и пригласил к себе папских легатов. Он сделался ленником римским, Иннокентий его везде титулует: *Illuster rex Dalmatiae et Diocleae*¹⁴. Далмация окончательно закрепилась за католичеством и сделалась полуитальянской страной. От политики Иннокентия III, начатой еще Григорием VII, во многом зависела историческая судьба этой страны, хотя введением ее в систему католических государств папство само помогало своим непримиримым врагам — альбигойцам. Как увидим, секта распространилась на Западе через деятельное посредство Далмации и вообще славянского элемента, игравшего в ней огромную роль. Однако Далмация не годилась для влияния на славянские православные государства. Напрасно дарил Иннокентий королевский титул Стефану Сербскому и пытался обратить его народ в католичество. Здесь он встретился с решительным сопротивлением со стороны православной религии.

Но счастье по возможности сопутствовало Иннокентию. В Болгарии политические расчеты заставили царя Ивана Асеня временно примкнуть к Риму. В 1203 году папа послал благословение духовенству болгарскому, а царю — титул короля. В ноябре 1204 года совершилась коронация и заключено соглашение между Римом и Болгарией. Царь, принимая спорные догматические пункты, подчиняясь Иннокентию, не давал, однако, больших прав Риму в своих внутренних делах. Религиозное ренегатство имело в Болгарии немного примеров, и то лишь в высшем сословии.

Все попытки действовать на русских князей оказались безуспешными. Падение Византии стало одним из предлогов для таких шагов. Извещая русское духовенство о взятии Царьграда, Иннокентий отправил на Русь кардинала для проповеди и убеждения князей. В булле, написанной вообще очень сдержанно, указав на падение Византии, папа советовал русским не сопротивляться и не отпадать от единой паствы Христовой. Результаты деятельности Иннокентия по отношению к России ограничились успехами его проповедников-крестоносцев в Прибалтике, также охваченной его замыслами. Епископ Ливонский Альберт принудил к подданству Двинского князя Всеволода, сделавшегося его наместником в Герсике.

¹⁴ «Сиятельный король Далматинский и Диоклеаский». Далмацией и Диоклеей называли римскую провинцию, занимавшую часть территории Сербского жупанства. — *Ред.*

Просвещение язычников прусских и ливонских, неразлучно связанное с именем и эпохой Иннокентия III, еще раньше альбигойцев показало, как опасно употреблять для достижения духовных целей оружие. Истребительной системой католицизм столь же опозорил себя в Крестовых походах на Юге, как и в вековой Крестовой войне на Севере. Но и тут и там не должно приписывать Иннокентию террор, против которого он всегда возражал. Рожденный нравами духовенства, сложившимися раньше, террор принес огромный вред католицизму. Приобретения самого Иннокентия истекали из его политического искусства и авторитета его имени. Так, Армения, например, подчинилась ему без всякого насилия. Ее князь Лев получил за это титул короля, а католикос армянский – священные одежды от папы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.